

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.01

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-86-101](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-86-101)

К вопросу об актуализации архаики

Владимир Константинович Егоров✉

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

vk_egorov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1070-6213>

Аннотация. В статье рассматриваются в определенном смысле доминирующие подходы к осмыслению феномена актуализации архаики в отечественной гуманитаристике. Некоторые исследователи, анализирующие то, что часто именуется архаизацией современных обществ, с позиций политологии и истории, философии истории, политики, культуры и религии, выдвигают концепции, в том числе концентрирующиеся на поиске «точек отсчета», ключевых факторов, определяющих тенденции развития чуть ли не всех стран, народов, цивилизаций. При этом, например, А.С.Ахизер и Б.М.Кондорский исходят из наличия у них во многом не совпадающих базовых оснований. В то же время все большую поддержку специалистов получают идеи, базирующиеся на необходимости исходить из того, что следует рассматривать актуализацию архаики как часть актуализации культурно-исторического, культурно-национального наследия народов с непременным учетом своеобразия их исторического, культурно-цивилизационного развития. Среди авторов, придерживающихся этой исследовательской, философской парадигмы, следует отметить В.Г.Федотову, А.А.Беломыщеву, В.Б.Земскову, А.В.Рубанову, А.П.Ситникову, М.С.Уварова и др. В известном смысле в этой парадигме идет также разработка проблем, связанных со спецификой трансформации, модернизации ценностей культурного наследия, включая архаику, в политике и экономике, в социальной сфере, с существенным влиянием на эти процессы этноконфессиональных и цивилизационных особенностей, характерных для различных регионов мира. В авторских размышлениях, в выводах формулируется видение наиболее перспективных путей развития рассматриваемых явлений.

Ключевые слова: архаика, актуализация культурного наследия, политика, цивилизационные и национальные особенности

Для цитирования: Егоров В.К. К вопросу об актуализации архаики // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 86-101, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-86-101](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-86-101)

Original Article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-86-101](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-86-101)

On the Actualisation of Archaics

Vladimir K. Egorov✉

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

vk_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1070-6213>

Abstract: The article examines the dominant methods in Russian humanities for understanding the phenomenon of actualization of the archaic. Some researchers, when analyzing the archaization of modern societies from the perspective of political science and history, philosophy of history, politics, culture and religion, put forward concepts that focus on the search for key factors that determine the development trends of almost all countries, peoples, and civilizations. At the same time, for example, A. S. Akhiezer and B. M. Kondorsky proceed from non-coinciding basic foundations. More and more experts believe that it is necessary to consider the actualization of the archaic, taking into account the uniqueness of their historical, cultural and civilizational development. Among the authors adhering to this research, philosophical paradigm, it should be noted V. G. Fedotov, A. A. Belomytseva, V. B. Zemskova, A. V. Rubanova, A. P. Sitnikova, M. S. Uvarova and others. A study is underway of the specifics of transformation and modernization of cultural heritage values, including archaics, in politics and economics, in the social sphere, and the influence of ethno-confessional and civilizational characteristics of various regions on these processes. Reflections and conclusions formulate a vision of the most promising ways of developing the phenomena under consideration.

Keywords: archaic, cultural heritage actualisation, politics, civilizational and national peculiarities

For citation: Egorov V.K. On the Actualisation of Archaics. Russia & World: Scientific Dialogue, 2024. 1(11): 86-101, [doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-86-101](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-86-101)

Введение

Проблемы бытования архаики, а также сущности и особенностей того, что именуется «архаизацией» современных обществ, активно обсуждаются в научном сообществе, концентрировано присутствуют в политическом дискурсе. Среди насущных научных и практических вопросов, находящихся в поле притяжения «архаической» проблематики, есть требующие отдельного внимания. По крайней мере, это необходимо по следующим обстоятельствам. Во-первых, сами обращения к разнообразным проблемам, объединяемым понятием «актуализация архаики», как бы «по инерции» часто находятся в плену изначально заданного негативного толкования; во-вторых,

многие идеи, приглашающие к более углубленным исследованиям, по существу, игнорируются, главное же – требуется развитие, осмысление предложений, концепций, базирующихся, сформулируем так, на панорамном цивилизационно-страновом подходе к тому, что входит в это тематическое поле.

Материалы и методы

В статье рассматриваются идеи, концепции, содержащиеся в публикациях философов, культурологов, социологов, политологов, историков, религиоведов, экономистов, посвященных проблемам сущности архаики, культурно-исторического наследия, различных трактовок актуализации этих феноменов, смежным темам, во многом определяющим позиции авторов. Теоретико-методологической основой работы послужили общенаучные принципы исследования прошлого и настоящего ценностей культуры, бытования социальной реальности, системный подход, методы сравнительно-сопоставительного анализа, всесторонности и др. Следует отметить приверженность принципам историзма, историко-философского анализа, методам герменевтики, структурализма, логического и критического анализа.

Результаты исследования

Прежде всего следует подчеркнуть, что необходимость культурно-национального, цивилизационного, регионального (историко-культурно-географического) «измерений» исторического развития, современных проблем, что называется, произрастающих из прошлого, безусловно, хорошо осознается специалистами. В примерах из прошлого, иллюстрирующих те или иные суждения, недостатка нет, поскольку в диалог прошлого и настоящего укладывается чуть ли не все, что именуется наследием, исходящими из него импульсами, наполняющими жизнь человека, социальных групп и сообществ, народов и стран. Однако трактовка явлений, связываемых с актуализацией архаики, почти неизменно политизируется. Что же касается «моделей» актуализации культурно-исторического наследования, специалисты вполне оправданно концептуализируют следующим образом: «...Эволюционный, указывающий на рост многообразия и дифференциацию культурных образцов, или волновой (дискретный тип наследования), когда интерес к тем или иным объектам прошлого то нарастает, то падает по шкале от полного забвения до максимального интереса» [19, с. 13]. В реальности, разумеется, присутствуют их разнообразные модификации.

Следует подчеркнуть и то, что это предметное поле тесно переплетается с рассмотрением проблем, связанных с такими феноменами, как архетипы, менталитет, язык, коды и память культуры. Публикаций, посвященных исследованию данных явлений, немало [1]. Приглашение к более углубленному изучению содержат, например, размышления М.Ю.Гуровой и М.Ю.Андреева над сущностью и проявлениями феномена

«культурные коды»: «...Культурный код может пониматься и как система архетипов коллективного бессознательного культуры, и как система осмысленных в культуре переживаний, и как система устойчивых художественных приемов и мнемотехник» [7, с. 156]. А вот суждения И.А.Николайчук, Т.С.Яковой и М.М.Янглевой: есть возможность «построения иерархических систем культурных кодов: глобальные, региональные, локальные, а также анизотропный характер таких систем». Исходя же из материалов, посвященных изучению региональных, культурно-национальных особенностей культуры, они замечают: «Чем в большей степени региональные социумы сохранили черты традиционности, чем меньше... сопряжены с западной цивилизацией, тем сильнее там тяга, личный интерес к вечным чувствам... непреходящим этическим метасмыслам» [16, с. 51, 60]. Так или иначе, налицо потребность в изучении, осмыслении упомянутых сложных и не изолированно существующих явлений.

Общепринято считать, что под «архаикой» имеется в виду в искусствознании этап развития древнегреческого искусства или же в целом – ранний, древний этап развития того или иного явления. Но относительно второго прочтения возникает отнюдь не праздный вопрос: а какие явления с их многочисленными модификациями следует относить к этапам ранним, древним и как квалифицировать их модернизовавшиеся состояния, качества? Как их оценивать, если они не музеефицировались, сохраняя в действующем состоянии (разумеется, в различных формах) чуть ли не изначальные свойства? Изначальные, до нас дошедшие из древности. Кроме того, нельзя же по-прежнему недооценивать тот факт, что, казалось бы, сходные элементы архаики по-разному перетекают в систему традиций и по-своему актуализируются в разных культурах.

До последнего времени к достаточно популярной, так сказать, «архаизационной» концепции можно было отнести предложенную А.С.Ахиезером. Ее суть: «Архаизация является результатом следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в более простых условиях, в условиях догосударственной жизни, не отвечающей сегодня возросшей сложности мира... Архаизация выступает как форма регресса, где программы деятельности связаны с доосевой структурой, с господством ценностей чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей круг общения был весьма ограничен. Развитие не являлось их культурной ценностью... Архаизация – это всегда попытка уйти от сложности медиации и вернуться к простоте господства инверсии. Это явление не выступает в чистом виде, но всегда хаотически смешано с достижениями последующего развития и может нести разрушительные последствия, масштабы которых могут расти при усложнении общества. Архаизация охватывает мысль, массовое практическое действие... Архаизация переходит из формы культуры в форму массового социального поведения... Она может принять форму архаизации культуры отдельных элитарных групп, включая правящую элиту... Столкновение архаизации и прогресса происходит прежде всего между культурными ценностями, формами образа жизни..., ориентирующимися или “на статику”, или “на динамику” и т.д. Отмечается и особое значение мифотворчества, распространения предрассудков, формирования “гибридных форм культуры”,

“искусственных мифов (идеологии)” в политике, экономике, общественной жизни, науке» [4, с. 90-91, 93-95, 97-99].

«Модель», построенная на наличии в истории чуть ли не все и повсеместно определяющих «точек отсчета» («догосударственная жизнь», «доосевая культура»), привлекательна, по-своему логична. Она представлена автором преимущественно «с опорой» на его прочтение российской истории. При наложении же «матрицы», базирующейся на толковании феномена «догосударственной жизни», на историческое развитие других стран, регионов возникают проблемы, связанные с ее концептуальной несовместимостью с разнообразными «догосударственными» историями, особенностями обретения государственности и т. д. Аксиоматично, что наличествует большое культурно-цивилизационное разнообразие становления, развития, трансформации самого феномена «государственность» на Востоке и Западе, на Севере и Юге, в колониальных метрополиях и у колонизированных народов. Да и отмеченные укрупненные историко-географические и культурно-цивилизационные ареалы внутри себя однообразны весьма относительно.

Более аргументированно выглядит такая «точка отсчета», как доосевая история и культура. Вводя это понятие, «К.Ясперс назвал осевым временем мировой истории эпоху VII–II вв. до н.э. (на территории от Тихого океана до Атлантики), оценив ее как водораздел между инерцией доосевого традиционализма и осознанием возможности самостоятельного ценностного выбора при одновременной ответственности за него... Совершенно новым социальным явлением стало отрицание предельно жестких требований родовой, этнической или сакральной общности и обращение к человеку с призывом преодолеть инерцию сложившейся практики бытия, самому осуществить ценностный выбор...». Отметив эти известные положения, А.В.Рубанов правомерно заостряет внимание на том, что истоки новых ценностных ориентаций следует искать в зороастризме, в древнеиндийской философии, в буддизме, даосизме, конфуцианстве, в греческой философии и затем в христианстве, исламе. «Сформулированные тогда новые жизненные ориентиры стали базовыми ценностными координатами человеческой жизни на протяжении всего исторического времени и остаются такими для современного общества» [18]. Необходимо при этом заметить, что наложение «матриц», основывающихся на всевозможных «рубежных поворотах», на истории отдельных стран, требует практически всегда уточнений, оговорок. Плодотворнее все-таки предпочесть достаточно абстрактным схемам размышления над своеобразием векторов странового, регионального, цивилизационного развития. А векторов движения к «столбовой дорожке» развития человеческой цивилизации немало. Да и что из себя представляет «столбовая дорожка»?

Культурно-исторический и одновременно «географический» «угол зрения» при обращении к проблемам, именуемым архаизацией, конечно, присутствует, но не столь сфокусированно, как буквально напрашивается. Прав М.С.Уваров, который при анализе отечественных и зарубежных исследований по культурной географии выделяет существенное: «Проблемы соотношения культуры и пространства, их взаимодействия оказываются чрезвычайно актуальными как в сфере научного поиска

различных гуманитарных дисциплин (культурология, политология, история, филология, психология и др.), так и в сфере непосредственной практической деятельности человека – будь то охрана культурного и природного наследия, внешняя и внутренняя политика государства, международные отношения, социально-экономическое развитие различных регионов и стран» [22]. Кроме того, В.Н.Стрелецкий и А.С.Горохов, акцентируя внимание на вопросе о «соотношении этнической и региональной идентичности в полиэтнических регионах», отмечают и то, что «конфессиональная география – для России новое направление культурной географии, приобретшее большую актуальность в постсоветский период в условиях возрождения религиозной жизни в стране, отличающейся исключительной сложностью и мозаичностью конфессионального состава населения» [21]. С учетом же пространственного, этнонационального, конфессионального своеобразия России многие наблюдения, выводы, базирующиеся на отечественной почве, приобретают более широкое звучание, особенно в диалоге с процессами, происходящими, нарастающими в современном разнообразном мире.

На многие из затронутых проблем еще десятков лет назад обратила внимание В.Г.Федотова, чьи суждения, однако, были недооценены. Она буквально формулировала: «...Архаическое существует в обществах любого типа – и традиционного, и современного, как остаток, рудимент прошлого опыта, черта сложившегося архетипа...». Более того, «при всей реакционности... архаические начала являются ответом людей на не достигающие их проекты и программы... При этом революционеры и не успешные реформаторы не берут на себя ответственность за архаизацию, всецело приписывая ее негативным качествам народа... Но происходящая сейчас повсюду в мире десекуляризация имеет множество общих причин. Среди них глобализация, создавшая глобальный рынок, но не устранившая локальных культур и религий и их значимость для народов. Модернизации перестали быть догоняющими Запад, они стали использовать все приемлемые позитивные образцы, найденные как на Западе, так и на Востоке. Они приняли национальный характер, осуществляясь с учетом локальных культур. Модернизации происходят в координатах, задаваемых социальным, культурным, человеческим и символическим капиталами стран, осуществляющих их... Таким образом, управление архаизацией – это управление модернизацией и возвращение прошлого в формах, не уничтожающих настоящего» [23, с. 26-30, 36]. Это и есть сущностное видение вариантов архаизаций, приглашение к обсуждению, не перегруженному политико-идеологическими стереотипами.

Хотелось бы обратить внимание и на содержательную статью А.А.Беломищева. Обобщая идеи В.Д.Лаза, Ч.К.Ламажаа, В.И.Пржиленского и И.Б.Пржиленской, он трактует архаизацию объемно: как переработанную антимедиацию, конфликтную реакцию на соответствующую модернизацию; «выражение стремления к возврату к старым, доказавшим свою эффективность идеям»; «достаточно широкий спектр действий в политике, управлении, экономике, культуре», который, как правило, трактуется как «возврат к принципам функционирования традиционных обществ», но следует «разграничивать понятия архаизации и традиционализма», поскольку они

«отличаются обращенностью к разным пластам традиций – архаическому и любым (включая архаические) соответственно»; «архаизация не носит исключительно реактивного характера и проявляется не только в обществах с «догоняющей» экономикой, но и в развитых странах; не следует упрощать «оппозицию «модерн – демодернизация», поскольку архаизация «никогда не предстает в чистом виде, в большей или меньшей степени сопровождая инновационные процессы»; «процессы архаизации не следует рассматривать исключительно в негативном ключе. Механизмы архаизации предполагают защиту от энтропийных процессов..., обеспечивают стабилизацию общественной жизни на консенсусных, пусть и относительно более примитивных основаниях»; «именно сохранение социального архетипа, выраженного в традиционной духовности, оберегает социум от деструктивных проявлений архаизации, вместе с тем способствуя успешной модернизации и экономическому процветанию общества (яркий тому пример – модернизационный рывок так называемых «азиатских тигров»); архаизация есть «процесс исторически неизбежный, но вместе с тем поддающийся управлению»; наконец, у того же современного экстремизма «двойкий источник», и его надо рассматривать «в качестве ответа как на модернизацию, так и на архаизацию общества» [6, с. 68-73].

Перспективны и недооценены суждения В.Б.Земскова, также достаточно давно предложенные научному сообществу: «Культура, ментальность, сознание в каждый момент своего исторического бытия хранят “готовыми” к действию все пласты изначального и позднее созданного: архаическое, традиционное, модерное... Срединный член триады – традиционное – это некогда модерное, возникшее из архаики во взаимодействии с инновациями и ставшее нормативностью, “державшей” систему» [11, с. 224, 223]. В русле подобных подходов лежит и недавняя публикация А.П.Ситникова. В основу его видения в известном смысле положены идеи В.Г.Федотовой, «рассматривающей архаизацию как нечто укорененное в культуре и психике народа и оживающее в период радикальных реформ и социальных потрясений», и В.М. Хачатурян о том, что «в ряде случаев... архаизация может рассматриваться как необходимость, вызванная самой реальностью, и в этом аспекте она предстает в виде социального механизма выживания, самосохранения общества» [20, с. 95]. В его, как он определяет, «методологическом конструкте» архаизация трактуется в качестве «одного из модусов развития социокультурной системы в эпоху трансформации». Источником таких процессов, как «архаизация, традиционализация и модернизация... выступает традиция, трансформация которой и порождает данные процессы, рассматриваемые как модусы традиции – субстанции социокультурной системы, обеспечивающей воспроизводство и сохранение культуры общества. В зависимости от степени разрушения традиционных устоев и основ жизнедеятельности общества и адекватности внедряемых инноваций, их органичности социокультурным корням социума в нем доминируют архаические, традиционалистские или модернистские процессы. В свою очередь архаизация может принимать две основные формы (модусы) – реархаизации и неоархаизации. Эти модусы возникают в результате пересечения в обществе процессов традиционализации и модернизации... Все зависит от кон-

кретной социокультурной ситуации и реализуемых в пространстве социокультурной трансформации социальных практик архаизации, которые могут носить как стихийный, иррациональный, неосознанный, так и рациональный, осознанный характер» [20, с. 103]. Он также вводит такое понятие, как неотрадиционализация. Здесь есть пища для размышлений, тем более при проецировании таких подходов на реальную почву, в том числе на российскую.

Параллельно с отмеченными концептуальными предложениями не прекращаются и поиски «точек отсчета», поворотных исторических моментов, в том числе стимулирующих обращение активных социальных субъектов к пересмотру оценок прошлого. Б.М.Кондорский выделяет: «В основе каждого этапа исторического развития лежит определенный тип революций: неолитических, архаических, феодальных, революций Нового времени. Каждый этап характеризовался определенным типом социального (в широком смысле этого слова) пространства и сознания... Одной из основных задач революций было устранение носителей “старого сознания”... При этом преемственность с предыдущим периодом в определенном смысле препятствовала дальнейшему развитию и уровень такой преемственности играл существенную роль в сдерживании прогресса» [14, с. 85-86]. Ранее он писал, что суть его концепции «заключается в том, что все революции в отдельно взятом государстве составляют революционный период как систему, имеющую свои внутренние законы». В таких суждениях, конечно, есть потенциал для дальнейших исследований, но вряд ли можно согласиться с такими утверждениями: обращение к «традиционной культуре» в Китае, например, носит декоративный характер, а во всех «постсоветских государствах закономерности архаических социальных институтов в 1990-е гг. оказывали на процессы в экономической, политической и культурной сферах более значительное влияние» [13, с. 113, 114].

Особенности проявления архаизации, традиционализации анализируются и применительно к различным общественным сферам, социальным институтам, политическим структурам [9]. В этих подходах немало примечательного. Некоторые авторы правомерно акцентируют внимание на том, что на процессы архаизации и традиционализации существенное влияние оказывает феномен, именуемый взаимодействием бессознательного и сознательного и любые актуализируемые явления имеют двойную природу. Видимо, есть все основания утверждать, что, с одной стороны, бессознательное входит в их сущность, а с другой, бессознательное в них существует и как сознательно эксплуатируемые качества, как то, на что воздействуют, чем управляют, причем само это управление постоянно модифицируется. Как заметил английский социолог З.Бауман, новые общества – это не что иное, как «текущая современность», в которой налицо уход от прошлого и кажущаяся утрата идентичности, обретение новой по новым «лекалам». «Подчинение стандартам теперь достигается посредством соблазна и искушения, а не принуждения» [5, с. 94]. Вместе с тем здесь все же напрашивается уточнение и речь надо вести лишь об особых видах принуждения посредством сознательного обращения к бессознательному.

Все отмеченное непременно, как и все в наше время, примыкает к широкому спектру проблем, связанных с цифровизацией. В самом общем виде они выходят на

явление виртуализации, на взаимодействие виртуального и реального. Однако, что не очень объяснимо, в большинстве случаев сопряжение этих актуальных проблем остается пока за пределами дискуссий о бытовании архаики в современном мире, о вариантах архаизации или традиционализации. Известно, что вторжение «цифры» в повседневность происходит в самых различных областях личной и общественной жизни посредством возможностей и особенностей многочисленных акторов, компонентов информационной сферы, культуры и искусства и т.д. В данном случае выделим среди публикаций статью С.Чжэн, в которой по ходу размышлений над такой новой формой медиаискусства, как иммерсионное, автор отмечает, что оно «преодолевает разрыв между временем и пространством, между произведением и зрителем, между реальностью и виртуальностью» и перед нами наличие четырех реальностей, этим видом искусства создаваемых. Речь идет о виртуальной реальности, относящейся к «компьютерному созданию и моделированию виртуальной среды», о дополнительной реальности, отличающейся от «виртуальной реальности тем, что она должна зависеть от реального окружения», о реальности смешанной, которая «содержит в себе как виртуальную, так и дополнительную реальность и может пониматься как новая среда виртуализации, возникающая в результате слияния виртуального и реального миров», и о расширенной реальности, под которой понимается то, что создается «комбинацией названных выше технологий» [24, с. 378-379].

Думается, что мы подошли к этапу концентрированного и предметного осмысления специфики пребывания архаических начал, традиционных ценностей в «нетрадиционных» до последнего времени средах. При этом тот же С.Чжэн выделяет весьма существенное для понимания возникающих здесь проблем. Он, что в определенном смысле знаменательно, отталкивается от особенностей актуализации современными техническими средствами шаманской культуры, но в его размышлениях внутренне, органично присутствует и более широкий спектр феноменов культурно-исторического наследия. Автор отмечает, что «в процессе создания произведений иммерсионного искусства художники имеют собственное понимание шаманской культуры и не могут воспроизвести шаманские ритуалы, поэтому возникает проблема невозможности интерпретировать культурный подтекст и показать глубину богатой традиционной шаманской культуры... С точки зрения распространения шаманской культуры это может привести к неправильной интерпретации ее основных элементов... Примитивные религиозные ритуалы сохраняют некоторые фрагментарные «архетипы» и являются моделью для осознания происхождения вещей и инициализации духовных эмоций» [24, с. 377, 382]. Возникает при этом вопрос, во-первых, об адекватности подобных модельных интерпретаций изначальным смыслам, ценностям, а во-вторых, о характере этих модификаций и их разнообразном воздействии на сознание и поведение людей в настоящем.

Влияние новых технологий на различные сферы жизни и деятельности человека, общества – многогранное научно-практическое поле. И все большее значение здесь приобретают вопросы гуманитарно-правовой реакции обществ, цивилизации на возможности, вызовы и риски цифровизации. Затронем лишь один аспект пробле-

мы. Так, обратившись к вопросам особенностей правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в различных странах, Ли Яо, также опираясь на мнение китайских специалистов, помимо прочего, отмечает: «Сервис генеративного ИИ обладает сильным автономным качеством, и даже если обрабатываемые данные получены из достоверных и точных источников, нельзя исключать генерации ложной информации в результате алгоритмической интеграции данных на основе сервиса генеративного ИИ. Ещё риски заключаются в том, что в базовой структуре данных генеративного ИИ ныне преобладают англоязычные данные, и выходной контент неизбежно имеет иное понятие об истории и культуре неанглоязычных стран, таких как Китай и Россия, и порой генерирует неправдивую информацию. В этом случае население может подсознательно изменить свое долгосрочное понимание традиционной культуры и национальных особенностей после длительного получения ложной информации, содержащей ценностные предубеждения. Если генеративный ИИ будет использоваться в когнитивной войне на национальном уровне, то это создаст угрозу подрыва национального суверенитета... Как сочетать верховенство закона и инновации и способствовать здоровому развитию и стандартизированному применению генеративного ИИ – это значимый вопрос, стоящий перед законодателем» [15, с. 249, 264].

Среди активно обсуждаемых проблем управления архаизацией и традиционализацией на первенство, видимо, претендует тема политических доминант. Вместе с тем нельзя не заметить, что не только с целями, но и с механизмами управления этими процессами, их эксплуатацией многочисленными политическими субъектами ясность все-таки имеется. Сложнее, кажется, с экономикой, поскольку чуть ли не закрепилось убеждение, что нам известны и общие закономерности прогрессивного экономического развития, и пути, формы, методы их освоения различными странами. Нередко, кажется, даже представляется, что экономика – наиболее универсальное направление общецивилизационного развития, менее других зависящая от «посторонних» для нее, т.е. внеэкономических, влияний.

Сюжет, предлагаемый вниманию, может быть поименован так: «“Эффект колеи”, проблема зависимости от траектории предшествующего развития». Это из названия статьи А.А.Аузан. В ней известный отечественный экономист на основе сравнительного анализа траекторий и результатов развития различных стран отмечал, что в управлении экономикой наличествует и имеет немалое значение феномен «ретрансляции культуры»: «Институты, как и стандарты, определяют выбор траектории, а “устойчивой колеей” ее делает культура», и это «гипотеза, имеющая некоторые основания» и т.д. [2, с. 8, 11]. В курсе же лекций, изданном позднее, А.А.Аузан, анализируя то, как «срабатывают» те или иные гипотезы, прогнозы в различных культурно-цивилизационных средах, сформулировал иначе. Проблематику социокультурной экономики, по его мнению, «можно изложить с помощью пяти тезисов», к примеру, таких: «Существуют экономические явления, которые не удается объяснить другими факторами, кроме культурных»; «с точки зрения теории неформальных институтов культуры – это ценности и поведенческие установки, разделя-

емые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени»; «культура влияет на экономическое развитие, но не детерминирует его. Воздействие культуры устойчиво во времени, но связано с другими факторами». В целом же мире в ходе исторического развития вообще «...никакой конвергенции, которую предсказывали теоретические модели, не происходит – происходит дивергенция» [3, с. 8, 128]. И в подобных заключениях присутствуют содержательные интенции для трансформации некоторых подходов к рассматриваемой проблематике.

Отдельно следовало бы выделить и следующее, казалось бы, очевидное. Реально оценивать человека, различные социальные общности, их поведение и стереотипы, национальную психологию, культуру, традиции можно лишь памятуя о том, что окружающая действительность во всем своеобразии ее формирования, богатстве характерных черт и их оттенков и т.п. познается, осмысливается не только научными методами, но и художественными. В.И.Вернадский вообще утверждал, что «отделение научного мировоззрения и науки от... деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно...» [8]. Исходя именно из такого понимания следует говорить о том, что и дальнейшее изучение рассматриваемых в статье вопросов будет продуктивнее, если продолжение их разработки будет сопровождаться в том числе выведением на новые горизонты. Иначе «штампы», ставшие привычными, не преодолеть. М.С.Каган справедливо утверждал: «Духовное содержание бытия человека не поддается, во всей его реальной полноте и целостности, научно-теоретическому познанию...» Искусство обладает возможностями познания духовных начал в их «реальной конкретности, недоступных в этом своем экзистенциальном качестве аналитической мысли, не только научной физиологии, но и психологической науке, не только методам социологии, но и этики» [12, с. 10]. Находясь же в русле обсуждаемых проблем, следует подчеркнуть, что все это об умении обращаться с наследием прошлого. Как прекрасно сформулировал Й.Хёйзинга, история – «это духовная форма, в которой культура отдает себе отчет о своем прошлом».

Выделю специально и такой важный аспект рассмотрения обсуждаемых проблем, как изучение содержания культурных политик. Это большая самостоятельная тема и коснусь лишь вопроса о некоторых особенностях культурных политик разных стран. Так, в содержательном обзоре Лаборатории исследований культуры НИУ ВШЭ отмечается, что «в сфере культурной политики, более чем в любой другой сфере общественной жизни существует проблема несоизмеримости национальных политик, обусловленная различным исторически сложившимся и институционально фиксируемым... толкованием понятия “культура”, смысловым целеполаганием культурной политики как таковой». Весьма показателен и такой вывод: «Культурная политика выходит за привычные границы области, связанной с традиционно понимаемым искусством и творчеством, все более активно формируются программы, сопрягающие ее с другими сферами социальной жизни: экономикой, образованием, политикой (сохранение культурной идентичности, обеспечение равных прав различных социальных и культурных групп и др.)... управлением средой и сохранением различных типов социокультурных сообществ» [10]. Зависимость же от «официальной философии» куль-

турной политики, по меньшей мере «перекличка» с ней, политической практики, информационного контента и проч. сомнений не вызывает. А варианты актуализации архаики, тем более ее элементов, трансформировавшихся в традиции, присутствуют в политике и внутренней, и внешней, и – пожалуй, достаточно концентрированно – в информационной. В политике же, как известно, практически все определяется представлениями, интересами, ценностями, доминирующими во властвующих структурах – в госорганах, в бизнесе, в институтах гражданского общества, целенаправленно формирующимися и господствующими в массовом общественном сознании.

Наконец, нельзя не остановиться и на таком ракурсе рассмотрения затрагиваемых вопросов. Он, где явственно, где подспудно, фокусируется на проблемах своеобразия, отличительных черт цивилизаций и их взаимоотношений. И поэтому достаточно показательными представляются смысловые предпочтения в продолжающихся на Западе дискуссиях вокруг идей С.Хантингтона о столкновении или же сотрудничестве цивилизаций. В них, например, примечательно, что «...большинство западных специалистов... не уделяют особого внимания его (Хантингтона. – В.Е.) авторскому определению “цивилизации” и не признают активную роль цивилизации в отношении государства, смещая фокус своих исследований на столкновение политических, экономических и социальных интересов стран, их населения и политических лидеров». Это из неординарной статьи молодого исследователя К.В.Раковой, в которой приводится также такое мнение британского ученого и бывшего египетского журналиста Э.Айша: «...Чувство национальной идентичности у населения США не подкреплено многовековой историей или этнической принадлежностью... Идентичность граждан США, их коллективное “мы” основывается на политических ценностях..., а также на идеологии... Отсюда появляется необходимость во внешнем противнике в лице государства, региона или идеологии...» [17, с. 24, 28-29]. И после подобных наблюдений становится понятнее, даже нагляднее, почему в этих дискуссиях нет должного уважения к позиции самого их «инициатора», т.е. Хантингтона: «...Люди разных цивилизаций, – утверждал именитый ученый, – по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, и имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем» [17, с. 22]. А ведь не секрет, что приверженность или отторжение ценностей, перечисляемых Хантингтоном, и лежат чаще всего в основе деления стран, народов и культур, цивилизаций на современные и архаичные или архаизирующиеся.

Выводы

В заключении в качестве продолжения ранее сформулированных оценок и выводов необходимо еще раз подчеркнуть, что исповедовать традиционализм – не значит заниматься архаизацией. «Архаизацией» именуется чуть ли не все, стоящее

за традиционализмом, именно в политико-идеологических целях. Вместе с тем архаизация – лишь компонент актуализации нематериального культурного наследия. Актуализации как вида модернизационных изменений, имманентно присутствующего в культурно-историческом процессе. Элементы архаического порядка по-разному «живут» и «ведут» себя в настоящем в различных национальных культурах. Традиционные начала, включающие в себя устойчивые, сохраняющиеся, архаические, по-разному проявляются и в различных сферах общественной жизни, деятельности. Ведь в этом ряду, увы, не только феномены, без которых немислим продуктивный диалог наследий, культурно-исторического опыта, но и те или иные идеологии, «ценностные» предпочтения, действия различных квазикаультурных и квазирелигиозных объединений, сатанинских организаций, новообразований, группирующихся вокруг «изводов» гендерных отношений или «групп влияния», паразитирующих на них, подобных им и т.д. Нельзя не отметить и то, что многие активные субъекты нынешней общественно-политической деятельности пользуются идеями, представлениями, инструментами воздействия, заимствованными из архаики, причем при поддержке (прямой или косвенной) институтов современной демократии. Потому особый интерес представляет изучение всего «архаизационного пакета» через призму традиционных и новых явлений в культурах национальных, этнических, светской и религиозной, народной, массовой и элитарной, сельской и городской, в субкультурах социально-демографических, профессиональных и т.д. И своего рода координирующая роль в подключении к этой работе арсенала различных отраслей гуманитарного знания должна, видимо, принадлежать регионоведению, страноведению.

Список источников

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: сущность и назначение [Codes of culture: essence and purpose]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-suschnost-i-naznachenie>
2. Аузан А.А. «Эффект колес», проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез [“The track effect”, the problem of dependence on the trajectory of previous development – the evolution of hypotheses] // Вестник Московского университета. Серия 6: «Экономика». 2015. № 1.
3. Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру [Socio-cultural economics: how culture affects the economy and the economy affects culture]. М.: Эконом. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021.
4. Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) [Archaization as a category of social sciences (based on the experience of Russia)] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1.
5. Бауман З. Текучая современность [Fluid modernity]. URL: <https://coollib.com/b/427264-igmunt-bauman-tekuchaya-sovremennost/ready?scld=lgw69wl5o2842700521>.
6. Беломищев А.А. Осмысление феномена социальной деструктивности с позиции теории архаизации в отечественном социально-философском дискурсе [Understanding the phenomenon of social destructiveness from the perspective of the theory of archaization in the domestic socio-philosophical discourse] // Философская мысль. 2021. № 4.
7. Гурова М.Ю., Юань М. Концепт «культурный код»: уровни значения [The concept of «cultural code»: levels of meaning] // Интеллект. Инновации. Инвестиции, 2022. № 4.
8. Дробжев М.И. В.И. Вернадский о науке, философии и научном мировоззрении [V. I. Vernadsky on science, philosophy and scientific worldview]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-i-vernadskiy-o-nauke-filosofii-i-nauchnom-mirovozzrenii.pdf>.
9. Ерохов И.А. Постглобализация и политическая архаизация в России [Postglobalization and political archaization in Russia] // Мировая политика. 2020. №2.

10. Зарубежный опыт реализации культурной политики [Foreign experience in the implementation of cultural policy]. URL: https://meaia/75/ru/documents/14010/06_0_zarubejnyy_opyt_realizacii_kulturnoy_politiki?21pdf.
11. Земсков В.Б. Дисбаланс в системе взаимодействия архаическое – традиционное – современное как фактор культурной динамики [Imbalance in the archaic – traditional – modern interaction system as a factor of cultural dynamics] // Материалы Международной научной конференции. М.: Научный Совет по истории мировой культуры при Президиуме РАН, 2001.
12. Каган М.С. Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в «волшебном зеркале» изобразительного искусства [That is the Man... Life, death and immortality in the “magic mirror” of fine art]. СПб.: Издательство «Logos», 2003.
13. Кондорский Б.М. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств [Relapses of archaic social institutions within the political regimes of post-Soviet states] // История и современность. 2019. № 3.
14. Кондорский Б.М. Некоторые аспекты теории общественных систем [Some aspects of the theory of social systems] // История и современность. 2021. № 4.
15. Ли Яо. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае [Regulation of artificial intelligence in the UK, USA, European Union and China] // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3.
16. Николайчук И.А., Якова Т.С., Янглева М.М. Культурные коды в современном публичном пространстве: метасмыслы и их потребление в России и за рубежом [Cultural codes in modern public space: meta-meanings and their consumption in Russia and abroad] // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 1 (45).
17. Ракова К.В. Столкновение или сотрудничество цивилизаций? Актуальные оценки западными специалистами концепции С. Хантингтона [Clash or cooperation of civilizations? Current assessments by Western experts of S. Huntington's concept] // Проблемы цивилизационного развития. Электронный журнал Института философии РАН. 2021. Т. 3. № 2.
18. Рубанов А.В. Ценности осевого времени [The values of axial time]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/1/4-8/pdf?ysclid=II7r1xhivf935322137>.
19. Селезнева Е.Н. Теоретико-методологические проблемы актуализации культурного наследия [Theoretical and methodological problems of actualization of cultural heritage] // Культурологический журнал. 2013. №2 (12). Электронное периодическое рецензируемое научное издание. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-problemy-actualizatsii-kulturnogo-naslediya?ysclid=Iryopz9ofm12552514>.
20. Ситников А.П. Архаизация российского общества в фокусе научно-исследовательских практик и методологические параметры исследования [The archaization of Russian society in the focus of research practices and methodological parameters of research] // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 1.
21. Стрелецкий В.Н., Горохов С.А. Специфика и тенденции развития культурной географии в России в начале XXI века [Specifics and trends of cultural geography development in Russia at the beginning of the XXI century]. URL: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=izvgeo@y=2022@n==3@a=jzvGeo220301>.
22. Уваров М.С. Культурная география в культурологической перспективе [Cultural geography in a cultural perspective]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-geografiya-v-kulturologicheskoy-perspektive>.
23. Федотова В.Г. Архаизация в современном мире [Archaization in the modern world] // Философские науки. 2012. № 5.
24. Чжэн С. Роль иммерсивных искусств в интерпретации традиционных феноменов культуры [The role of immersive arts in the interpretation of traditional cultural phenomena] // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20. № 4.

Информация об авторах

ЕГОРОВ Владимир Константинович. Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0002-1070-6213>. Адрес: Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 84. vk_egorov@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23 ноября 2023 г. Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Avanesova G.A., Kuptsova I.A. Codes of culture: essence and purpose. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-suschnost-i-naznachenie> [In Russian].
2. Auzan A.A. "The track effect", the problem of dependence on the trajectory of previous development – the evolution of hypotheses. Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics. 2015; 1 [In Russian].
3. Auzan A.A., Nikishina E.N. Socio-cultural economics: how culture affects the economy and the economy affects culture. Moscow: Economy. M.V. Lomonosov Moscow State University, 2021 [In Russian].
4. Akhiezer A.S. Archaization as a category of social sciences (based on the experience of Russia). Journal of Sociology and Social Anthropology. 2001; IV (1) [In Russian].
5. Bauman Z. Fluid modernity. Available from: <https://coollib.com/b/427264-igmunt-bauman-tekhuchaya-sovremennost/ready?scld=lgw69wl5o2842700521> [In Russian].
6. Belomycev A.A. Understanding the phenomenon of social destructiveness from the perspective of the theory of archaization in the domestic socio-philosophical discourse. Philosophskaya mys'l. 2021; 4 [In Russian].
7. Gurova M.Yu., Yuan M. The concept of "cultural code": levels of meaning. Intellekt. Innovatsii. Investitsii, 2022; 4 [in Russian].
8. Drobzhev M.I. V.I. Vernadsky on science, philosophy and scientific worldview. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-i-vernadskiy-o-nauke-filosofii-i-nauchnom-mirovozzrenii.pdf> [In Russian].
9. Erokhov I.A. Postglobalization and political archaization in Russia. Mirovaya politika, 2020; 2 [In Russian].
10. Foreign experience in the implementation of cultural policy. Available from: https://meia/75/ru/documents/14010/06_0_zarubejnyy_opyt_realizacii_kulturnoy_politiki?21pdf [In Russian].
11. Zemskov V.B. Imbalance in the archaic – traditional – modern interaction system as a factor of cultural dynamics. Culture in the era of civilizational breakdown: Materials of the International Scientific Conference. Moscow: Scientific Council on the History of World Culture at the Presidium of the Russian Academy of Sciences, 2001 [In Russian].
12. Kagan M.S. That is the Man... Life, death and immortality in the "magic mirror" of fine art. St.Petersburg: Logos, 2003 [In Russian].
13. Kondorsky B.M. Relapses of archaic social institutions within the political regimes of post-Soviet states. Istorija i sovremennost', 2019; 3 [In Russian].
14. Kondorsky B.M. Some aspects of the theory of social systems. Istorija i sovremennost'. 2021; 4 [In Russian].
15. Li Yao. Regulation of artificial intelligence in the UK, USA, European Union and China. Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2023; 3 [In Russian].
16. Nikolaichuk I.A., Yakova T.S., Yanglyaeva M.M. Cultural codes in modern public space: meta-

meanings and their consumption in Russia and abroad. Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series "Philosophical Sciences". 2023; 1 (45) [In Russian].

17. Rakova K.V. Clash or cooperation of civilizations? Current assessments by Western experts of S.Huntington's concept. Problemy tsivilizatsionnogo rasvitiya. Electronic Journal of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 2021; 3 (2) [In Russian].
18. Rubanov A.V. The values of axial time. Available from: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/1/4-8/pdf?ysclid=II7r1xhivf935322137> [In Russian].
19. Selezneva E.N. Theoretical and methodological problems of actualization of cultural heritage. Kulturologicheskij Journal. 2013; 2 (12). An electronic periodical peer-reviewed scientific publication. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-problemy-actualizatsii-kulturnogo-naslediya?ysclid=Iryopz9ofm12552514> [In Russian].
20. Sitnikov A.P. The archaization of Russian society in the focus of research practices and methodological parameters of research. Humanitarij Yuga Russii. 2020; 9 (1) [In Russian].
21. Streletskiy V.N., Gorokhov S.A. Specifics and trends of cultural geography development in Russia at the beginning of the XXI century. Available from: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=izvgeo@y=2022@n==3@a=JzvGeo220301> [In Russian].
22. Uvarov M.S. Cultural geography in a cultural perspective. Available from: <https://ceberleninka.ru/article/n/kulturnaya-geografiya-v-kulturologicheskoy-perspektive> [In Russian].
23. Fedotova V.G. Archaization in the modern world. Philosophical sciences. 2012; 5 (in Russian)
24. ZhengS. The role of immersive arts in the interpretation of traditional cultural phenomena. Observatorija Culture. 2023; 20 (4) [In Russian].

About the author

Vladimir K. EGOROV. DSc (Philos.), Professor, Head of the UNESCO Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. <https://orcid.org/0000-0002-1070-6213> Address: 84, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation. vk_egorov@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 23, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023.

Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.